

© 2010 г. М.Л. Размолодин

ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ЧЕРНОЙ СОТНЕ

Представлена общая характеристика черносотенного движения. Проблему типологизации правомонархической идеологии как консервативной предложено решать посредством использования в качестве лакмусовой бумажки отношение к уваровскому триединству – «Православие, самодержавие, народность», а относимости к черносотенному спектру – путем использования в качестве критерия отношение к «ничем земным не ограниченному самодержавию в русском православном его проявлении». Предложенные критерии дают основание для пересмотра укоренившихся в исторической науке взглядов на некоторые правые организации как черносотенные.

Ключевые слова: черная сотня, крайне правая идеология, Русская православная монархия, самодержавие, консерватизм, традиционализм.

С момента своего появления черная сотня проявила себя как консервативное движение с точки зрения разработанного А. Хатингтоном ситуативного и предложенного К. Манхеймом идейного подходов [1]. Выполняя охранительную функцию по противодействию опасности свержения существующего строя, крайне правые позиционировали себя как активную часть православной общности, которая в условиях стабильности и мирного развития страны находилась в состоянии политического «сна», оставаясь замкнутой в пределах своей общинной жизни. Черная сотня выходит на арену борьбы как реакция самозащиты в ответ на угрозу базовым ценностям российской цивилизации – православию, самодержавию, народности. Условием ее появления и существования являлось наличие угроз отстаиваемым принципам и снижение активности при затухании опасности. Исходя из этого черная сотня не носила изначально агрессивного характера, а будучи по природе движением реакционным, являла собой лишь ответную реакцию на попытки насильственного давления на отстаиваемые принципы.

Черная сотня являлась православным религиозно-политическим движением, определившим принципы самоорганизации традиционалистской части

населения в условиях постепенного разрушения православно-самодержавной монархии, угроз главенствующим позициям РПЦ и целостности страны. Объектом ее защиты выступали основы исторической русской цивилизации от западных секулярных моделей реформирования страны. Крайне правая идеология не являлась классовой идеологией, поскольку отражала универсальные христианские мировоззренческие ценности и обширный спектр стереотипов социально-исторического мышления. Широкая социальная база и исключительно быстрая мобилизация позволяет условно типологизировать черную сотню как форму русского национально-освободительного движения, выступавшего против внутренних врагов, а именно: порожденной петровскими реформами антинациональной бюрократии и являвшегося транслятором различных западных концепций либерально-революционного лагеря. Черную сотню можно определить как консервативно – реформистскую партию, так как вектор ее идеала был направлен в патриархальную старину. Крайне правые были вынуждены защищать абсолютистскую монархию как меньше зло по сравнению с универсалистскими западными концепциями, игнорировавшими национальные особенности страны. Опора на противоположные по своим классовым устремлениям традиционалистские социальные слои привела к бесконечным расколам в черносотенном движении и по мере дискредитации в общественном сознании православно-монархической идеи к его организационному краху.

Черносотенцы представляли единственное движение на политическом поле дореволюционной России, которое базировалось на исключительно русской почве, не имело никаких мировых претензий и отрицало всякие универсальные рецепты. Их идеология являлась проявлением русской политической мысли, потому, что, во-первых, авторитеты, на которые она опиралась, – не кто иные, как русские консерваторы прошлого, а во-вторых, событие, реакцией на которое она выступила, – событие внутрироссийское. Взятые черносотенцами на вооружение уваровское триединство, сформировавшее фундамент черносотенной идеологии, носило не универсальный, а русоцентричный характер, в котором сфокусировалось все русское культурное наследие, составлявшее основу бытия русского народа. Черносотенцы не поднимали в своих работах глобальные проблемы и мыслили категориями не мирового, а российского масштаба. Это определило национальные границы их идеоло-

гии, локализованной в рамках Российской империи и не претендовавшей на решение несвойственных ей вселенских задач. Проблема отнесения черносотенного движения к разряду консервативного может быть решена посредством использования в качестве лакмусовой бумажки отношение к уваровскому триединству – «Православие, самодержавие, народность». Безоговорочное принятие данного лозунга политической партией дает основание отнести ее к консервативной, так как, согласно типологизации К. Манхейма, включает в себя защиту как христианской, в частности, православной, так и национальной традиции. Триединство и идея богоданной неограниченной царской власти являлась для черносотенцев такой же ключевой, какой была идея нации для националистов, парламентской монархии для кадетов, социальной революции для социал-демократов. Союз русского народа заявлял, что трехчлен «Православие, самодержавие, народность» является не только политическим «credo» в понимании девизов буржуазных партий, а «сущность бытия его», «святыней, ради которой не только стоит, но и должно в случае надобности пострадать и положить жизнь» [2, л. 55]. Религиозная константа позволяла черносотенцам самоидентифицировать себя как партию консервативного спектра: «Черносотенцы, т.е. консерваторы более 30 лет твердят все одно и то же: нельзя жить без Бога, вне закона его; нельзя жить без борьбы со злом и преступностью...» [3]. Отражением духовной основы и резерв незыблемости самодержавия черносотенцы видели в клятве верности власти, которую подданные приносили пред престолом Всевышнего при вступлении на престол государей [4, л. 678.].

Вопрос типологизации черной сотни поднимает и проблему идентификации признаков относимости и принадлежности к данному движению. Значительное число организаций, исповедовавших монархические принципы и претендовавших на право называться черносотенными, ставит вопрос о границах черной сотни, так как разбираемое словарное определение не вполне четко обрисовывает рамки, в которых существовали «черносотенцы», а именно: имеются в виду только члены и участники крайне правых организаций, явно заявившие о своей к ним принадлежности, или в их число можно записать и лиц, разделявших их взгляды, причем проводивших активную деятельность, но по разным причинам не входивших в их состав. Основания не связывать себя с черной сотней обуславливались яростной контрпропаган-

дистской работой либерального лагеря, который скомпрометировал ее с момента появления, приписав ей устройство погромов, а с другой стороны, неприятием ее политической тактики и вульгарности форм практической деятельности, что объяснялось наличием в ее среде значительного числа необразованных низов. Сложности возникают и при идентификации идеологов, выступавших на общественной сцене по меньшей мере с 1860-х гг., которые явно представляли собой прямых предшественников тех черносотенцев, которые действовали в 1900-1917 гг. Убеждения принадлежавших к старшим поколениям виднейших деятелей черносотенных организаций, таких, например, как Д.И. Иловайский (1832-1920), К.Ф. Головин (1843-1913), С.Ф. Шарпов (1850-1911), В.А. Грингмут (1851-1907), Л.А. Тихомиров (1852-1923), А.И. Соболевский (1856-1929), сложились еще до начала XX в.

Еще более запутывали дело сами черносотенцы, пытавшиеся искусственно расширить число своих последователей. Критерием отнесения к крайне правым выступало не членство в организациях, а количество лиц, разделявших их взгляды. В этом видно стремление затушевать границу между непосредственными «функционерами» и «сочувствующими». Парадокс состоял в том, что по своему менталитету и воспитанию большинство россиян уже были черносотенцами, так как имели идентичные взгляды, воспринятые через официальные источники по причине недоступности других: «Того, что наши народные массы – «черносотенные», – не может отрицать никто. Глубокая вера в Бога, непоколебимая преданность царю и покорность законным властям издавна являются отличительными чертами нашего крестьянства» – писало «Русское знамя» [5]. Массовая пропагандистская работа крайне правых ставила целью не «навязать» свои взгляды, а нейтрализовать оппозиционную пропаганду и противодействовать отходу носителей традиционалистского мировоззрения в либерально-революционный лагерь. В своей политической деятельности черносотенцы основные надежды возлагали на крупные социальные группы – крестьянство и рабочих, которых они надеялись «вырвать из рук разъедающей их крамолы» и тем самым блокировать нарастание революционных процессов. Нередко в крайне правые записывались вчерашние участники революционных выступлений, не имевшие четких политических убеждений.

В исторической литературе утвердилось мнение, что к черносотенцам относили консервативно-монархические партии крайнего толка, отстаивавшие тра-

диционный уклад жизни, распространявшийся на социальную, политическую, экономическую и духовную сферы жизни общества, включая быт россиян и выступавшие за сохранение общественно-политических основ существующего строя – неограниченную самодержавную власть монарха и первенство православной веры. Черносотенные партии стояли правее Партии правового порядка, признававшей необходимость народного представительства и гарантий личной свободы. Именно неприятием принципа ограничения власти царя и конституционной монархии черносотенные организации отличались от других партий в правом стане, который делился на приверженцев «неограниченного самодержавия» и «ограниченной монархии». Подобное разделение достаточно четко зафиксировано в документах, газетах, листовках, литературе периода революции 1905-1907 гг. Стоявшие левее черносотенных организаций Партия правового порядка, Союз 17 октября, Торгово-промышленная и Умеренно-прогрессивная партии являлись сторонниками ограниченного самодержавия.

Эталоном черносотенной организации выступал Союз русского народа, существовавший с 8 ноября 1905-го и до Февральской революции 1917 г. Но и здесь возникают сложности, так как если в период революции 1905-1908 гг. членам СРН удавалось сохранять единство взглядов по принципиальным и основополагающим вопросам идеологии, то в послереволюционное время в условиях наступившей видимой стабильности, когда прямые угрозы существованию базовым русским ценностям были локализованы, черносотенное движение временно потеряло ориентиры деятельности. В ходе анализа третьеиюньской системы выяснилось, что черносотенный лагерь не был един в своих идеологических установках. После спада революции позиция части идеологов черносотенного лагеря по принципиальным вопросам стала меняться. Черная сотня встала перед альтернативой перерождения в парламентскую политическую партию, т.е. фактически признать сложившуюся третьеиюньскую систему с присущей ей Государственной думой, многопартийностью, относительной свободой слова или трансформироваться в маргинальную структуру, занимающуюся отрицанием сложившегося положения вещей. В результате внутривнутрипартийной борьбы единый черносотенный лагерь раскололся на две противостоящих части. Если основатель СРН А.И. Дубровин и его сторонники, объединившие большую часть крайних правых союзов, остались верны заложенным в основу при создании движения принципам неприя-

тия ограничения власти царя и законодательного парламента, то обновленцы во главе с Н.Е. Марковым попытались интегрироваться в третьеиюньскую монархию, став парламентской партией. Раскол прошел и по отношению к правительственному аппарату. Уровень и острота критики обновленцами бюрократии был значительно ниже, чем у дубровинцев, что по существу означало примирение с абсолютизмом и безнациональной бюрократией, несмотря на сохранение патриархального вектора возвращения к исконному самодержавию. Таким образом, в стане черной сотни появились сторонники ограниченного самодержавия, формально декларировавшие обратное, но признавшие Госдуму как институт, налагавший пределы власти Царя.

Появление обновленцев, признавших Думу как институт, ограничивающий власть царя, означал отход от принципиального для черной сотни самодержавного кредо – неограниченной ничем земным власти царя, дрейф в сторону позиции близкой к Всероссийскому национальному союзу (националистам) и даже к октябристам, т.е. на платформу конституционного монархизма. С другой стороны, обновленцев и дубровинцев продолжали роднить позиции по ряду важных проблем (в частности, национальному и религиозному). Но точка «невозврата» была уже пройдена именно по принципиальному положению. Поэтому встает вопрос: можно ли относить обновленцев, отказавшихся от признания неограниченности власти монарха и вставших на путь компромисса с третьеиюньской системой, к черносотенному сегменту? Для либеральной и советской историографии этот вопрос не являлся дискуссионным, так как принадлежность к крайне правому лагерю устанавливалась по линии отношения к чрезмерно уделяемому вниманию национальному вопросу и, в частности, антисемитизму.

В этой связи неизбежно возникает проблема определения критериев принадлежности к крайне правым организациям, так как у подавляющего большинства пишущих на эту тему не существует сколько-нибудь четкого разграничения по линии «черносотенец – нечерносотенец». По нашему мнению, в том случае если исследователь сталкивается с политическими партиями или общественными деятелями, декларирующими приверженность лозунгу «Православие, самодержавие, народность» задача их отнесения к черносотенному сегменту может быть успешно решена посредством использования в качестве критерия отношение к «ничем земным не ограниченному самодержавию в русском

православном его проявлении». Принятие самодержавия как единственно возможной для России формы государственного устройства, недопустимость его ограничения какими бы то ни было парламентскими учреждениями и является единственным надежным определителем, позволяющим проводить политическую и персональную бифуркацию. Согласно данному критерию, отказавшиеся от неограниченного самодержавного кредо и признавшие ограничивающую власть царя Думу обновленческие союзы (Марковский СРН, Союз Михаила Архангела В.М. Пуришкевича, ряд других) к разряду черносотенных могут быть отнесены весьма условно. Они являли собой пример так распространенного в партийной истории «рenegатства», когда желание получить сиюминутные политические дивиденды приводит к забвению идеологических догм. Отказ от идейного стержня неизбежно ведет движения к разложению и маргинализации. В этом отношении Дубровинский СРН демонстрировал собой непоколебимую преданность идеям, заложенным в основание крайне правого движения. А потому и может быть признан эталоном черносотенной организации. Предложенный критерий сам собой снимает и проблему отнесения участников погромного движения в октябре 1905 года к черной сотне по причине невозможности определения их идейно-политических убеждений, так как носителями антисемитских и антиреволюционных взглядов являлись представители и иных общественно-политических движений, в частности, националисты. Таким образом, использование данного критерия дает основание и для преодоления сложившегося в исторической науке стереотипа об идентичности черносотенных и националистических (в том числе фашистских) партий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Huntington S.P. Conservatism as an Ideology // American Political Science Review. 1957. Vol. LI; Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.*
2. ГАРФ. Ф.102. 4 д-во. 1908. Д. 237.
3. Русское знамя. 1910. 20 января.
4. ГАРФ. Ф.116. Оп.2. Д.1.
5. Русское знамя. 1916. 1 декабря.

УФСБ РФ по Ярославской области

22 июля 2010 г.